

Чем больше знакомишься с городом Зарайском, с его давним и недавним прошлым, тем больше узнаешь и поражаешься, какими прочными и вдруг неожиданными нитями связан он со всей жизнью России, в том числе и с судьбами ее культуры.

Вот Достоевский. Какие места в России приходят обычно на ум при имени великого нашего писателя, если не знать, к примеру, его биографию в подробности? Прежде всего, разумеется, Петербург. Затем в связи с каторгой и ссылкой припоминаются еще сибирские города: Тобольск, Омск, Семипалатинск. Детские же годы Достоевского непременно ассоциируются у нас с убогой московской окраиной, бывшей Божедомкой, и с Мариинской больницей для бедных, во флигеле которой проживал с семьей отец писателя штаб-лекарь Михаил Андреевич Достоевский.

А между тем было и у Достоевского такое детство: с лесом, с грибами и ягодами, с купаньем в пруду, птичьими гнездами, играми с крестьянскими ребятишками — словом, со всем летним деревенским привольем. Выразимся точнее: было у Достоевского и такое детство — и пришлось оно как раз на сделавшиеся для него потом на всю жизнь дорогими зарайскими местами.

Сорок лет спустя, в «Дневнике писателя» за 1876 год, рассказывая о мужике Марее, Достоевский так отзывается об этих местах и некоторых своих детских впечатлениях: «Мне припомнился август месяц в нашей деревне: день сухой и ясный, но несколько холодный и ветреный; лето на исходе и скоро надо ехать в Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мне так жалко покидать деревню. Я прошел за гумна и, спустившись в овраг, поднялся в Лоск — так назывался у нас густой кустарник по ту сторону оврага до самой рощи... И теперь даже, когда я пишу это, мне так и послышался запах нашего деревенского березняка: впечатления эти остаются на всю жизнь». В этом беглом, приблизительном описании всякий, однако, кто знает, угадает картину нашей небогатой среднерусской природы: поле, овражек, орешник на склоне, березовый перелесок.

Если смотреть с городских круч за реку, эта картина открывается во всю ширь: поля и поля, постепенно возвышающиеся к горизонту, разбросанные по ним темные пятна лесов и рощ. И дорога, уводящая в эти поля, так и манит... выехать из Зарайска, через Осетр и вскоре свернуть влево по шоссе, в сторону Серебряных Прудов. На седьмом километре сбоку от дороги указатель: Иванчиково.

И тотчас, зная, что приближаешься к достоевским местам, и соответственно настроенный, вспоминаешь: ведь у Достоевского — «Степанчиково»!.. Еще несколько километров по шоссе — и на проселок, направо. Где-то здесь, у поворота, по свидетельству тех, кто навещал усадьбу в 20-е годы, еще стояла в то время деревянная полевая часовня. Полтора года назад по этой дороге — из Москвы, от Рогожской заставы, через знакомые все станции: Люберцы, Бронницы, Коломну... и, конечно, через Зарайск, на лошадах, так что на все путешествие уходило двое-трое суток, — ездил и Достоевские.

Описание этих ежегодных в течение нескольких лет переездов из города на лето в деревню оставил не сам писатель, но младший брат его, Андрей Михайлович Достоевский. «За Зарайском, — пишет он в своих «Вос-

поминаниях», — мы едва-едва сидели на месте, беспрестанно выглядывая из кибитки и спрашивая у Семена Широкова, скоро ли приедем. Наконец мы своротили с большой дороги и поехали по проселку и через несколько минут были в своем Даровом».

... От шоссе через поле, краем отлогого, зарождающегося здесь оврага — утверждают, что это и есть Лоск, мимо мелкого лесочка, клином вышедшего в поле, и вот сквозь деревья уж виден домик, свежескрашенный в зеленую краску и обнесенный ровным голубеньким штакетником. Коротенькая, чуть намеченная тропинка от калитки к крыльцу. Две скамеечки. В палисаднике, вокруг дома, все моло-

Точна ли надпись на доме? Нет, это не тот самый, «в котором...». Достоевские приобрели Даровое летом 1831 года — бедную деревушку в какой-нибудь десяток дворов. Под стать ей выглядел и «помещичий» дом. Когда Мария Федоровна впервые — летом того же или следующего 1832 года — приехала с детьми в деревню, ее ожидал «маленький плетневый, связанный глиною на манер южных построек» флигелек из трех небольших комнат. Во время пожара, случившегося ранней весной 1833 года, все Даровое выгорело дотла, а плетневая мазанка, защищенная вековыми липами, уцелела. Однако помещаться в ней было тесно, и, отстраивая деревню, Достоевские поставили заодно и новый флигель: 1836 год был последним для детей годом счастливого детства в деревне. В феврале 1837-го умерла Мария Федоровна, в мае старшие братья Михаил и Федор уехали в Петербург.

Когда желают сказать, чем было для Достоевского Даровое, цитируют обычно несколько слов из его «Дневника писателя» за 1877 год: «...это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю мою жизнь и где все полно для меня самыми дорогими воспоминаниями». А между тем эти несколько слов — только начало, только повод для очень важного рассуждения писателя, которое нельзя не привести. «Вот у вас есть такие воспоминания и такие места, и у всех нас были. Любопытно: что у нынешней молодежи, у нынешних детей и подростков будет драгоценного в их воспоминаниях и будет ли? Главное, что именно? Какого рода?» — спрашивает писателя собеседник, и Достоевский с уверенностью отвечает: «Что святые воспоминания будут и у нынешних

детей, сомнения, конечно, быть не может, иначе прекратилась бы живая жизнь. Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек».

Писатель не забывает места своего детства. В «Преступлении и наказании» малая Миколка, тот самый, что готов был взять на себя убийство старухи, зарайский. Ровно никакого значения не имеет это для смысла и развития романа; точно с таким же успехом мог он быть и рязанский, и тульский, и каширский, и коломенский, — а все-таки зарайский!.. Место дуэли в «Бесах» — Брыково. В «Братьях Карамазовых» — важно вспомнить, что писатель начал их после посещения Дарового, когда детские впечатления ожили, — имя слуги старика Карамазова Григория Васильева повторяет в точности имя даровского приказчика Достоевских, похож и характер. Прототип Лизаветы Смердящей — даровская дурочка Аграфена; Достоевский видел ее в детстве и мог еще застать в свой приезд 1877 года. Деревня Чермашна, куда, по иезуитской подсказке Смердякова, собирается Иван Карамазов накануне убийства отца, напоминает о другой деревеньке Достоевских, в полтора верстах от Дарового — Черемошне...

В 1974 году постановлением Совета Министров РСФСР усадьба Даровое взята под охрану государства и числится памятником республиканского значения. Как я уже говорил, дом передается сейчас Зарайскому краеведческому музею. Однако работники музея плохо пока представляют себе, что с ним делать. Одно бесспорно: нельзя оставлять в забвении даровскую страничку жизни великого писателя.

Ленинское шоссе 4, 1980, 27 кв.

Борис ВАСИЛЕВСКИЙ

В ДАРОВОМ...

очерк

дые посадки: акация, липы, рябина, клен, березки, но еще живы и два очень старых, по всему, дерева: мощная, раскидистая сосна и липа с большим дуплом в толстом прямом стволе...

Этот маленький одноэтажный флигель — единственное строение, уцелевшее на усадьбе. Но оно и главное — настоящего «господского» дома в традиционном его представлении здесь никогда не было. Были обычные хозяйственные постройки: кухня, конюшня, амбар — они не сохранились... До недавнего времени в доме размещалась сельская библиотека; сейчас, в связи с тем что дом как памятник передается Зарайскому краеведческому музею, она выехала. Шиферная крыша, терраска, невысокое крыльцо с навесом. Обходя флигель кругом, замечаешь и мемориальную досочку: «В этом, доме провел детские годы великий русский...»

Рядом, в нескольких десятках метров от дома — старинная липовая роща. Уже А. М. Достоевский поминает эту рощу как «довольно большую и тенистую». Вплотную к ней примыкал когда-то сад; и сейчас посреди пустой прогалины торчат несколько одичавших яблонь. По заросшей аллее проходишь рощу насквозь, она постепенно понижается к новому оврагу, на другой стороне которого — невысокий березнячок. Этот березнячок вырос на месте прежнего, столь любимого Достоевским в детстве и впоследствии вырубленного. Именовался он Брыково, но за эту особенную любовь прозван был в семействе Достоевских Фефиной рощей. «Эти три местности: липовая роща, сад и Брыково, — пишет А. М. Достоевский, — были самыми ближайшими местами к нашему домику, а потому и составляли место нашего постоянного пребывания и гуляния».